

ШКОЛЬНИКИ-ДЕТЕКТИВЫ

Оксана Иванова-Неверова

От автора премий
«Большая сказка»
и «Рукопись года»

ЖАННА ЛАДЫЖАНСКАЯ

и тайна трёх пицц

Контроль
работы

$$2+2=4$$

$$2+x=5$$

Оксана Иванова-Неверова
Жанна Ладыжанская
и тайна трёх пицц
Серия «Школьники-детективы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70273990

Жанна Ладыжанская и тайна трёх пицц / О. Иванова-Неверова:

Издательство АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-157857-2

Аннотация

Пятикласснице Жанне Ладыжанской не позавидуешь. Единственный друг переходит на сторону врага. Тот самый мальчишка влюблён в другую. Идеальная другая намерена превзойти Жанну и в детективных способностях. Как сохранить душевное равновесие, когда одноклассники обвиняют тебя в воровстве, а ты не можешь выдать настоящего виновника? Как успокоить совесть, когда ты вдруг осознаёшь, что не хочешь поступать по-честному? Как справиться с одиночеством, на которое обрекаешь себя сам? Так что же чувствует детектив, который раскрывает преступления, но скрывает преступников?

Содержание

Глава 1. Конкуренты подрезают мне крылья	7
Глава 2. Подозреваемый № 1	18
Глава 3. Преступник упирается	24
Глава 4. Я опрашиваю свидетелей	31
Глава 5. Потрясающая улика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Оксана Иванова-Неверова

Жанна Ладыжанская

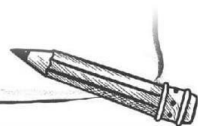
и тайна трёх пицц

© О. Иванова-Неверова, текст, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1. Конкуренты подрезают мне крылья

Со мной никто не дружит. Кроме моей кошки. Но, по-моему, она немного чокнутая. Про неё я потом расскажу, а пока что представлюсь. Меня зовут Жанна. И у меня нет друзей.

За мной таскается только Толик Корнеев. С детского сада аж по пятый класс – с тех самых пор, как его в подготовительной группе заклинило на моей внешности. По-моему, он решил тогда, что я какой-то зверёк. Потому что всё время подходил и гладил меня по голове.

Мама называла мои волосы «платиновый блонд», а я эту паклю зову «мышь серая». В общем, платиновая мышь торчит вокруг меня, как взрыв на макаронной фабрике. Поэтому я собираю его в две тугие косы. Глаза у меня при этом становятся как у чукчи – в стороны растянуты. Мама называла мои глаза «глубокий изумруд», но по факту они просто болотные. Про маму – это всё папа мне рассказал, и мне

приходится ему верить. Ведь я маму очень люблю, хотя мало помню. И мама... она ведь не узнает уже, как я подурнела за последние годы. Я всё понимаю, папу мне жалко. Если бы у меня была такая дочь, как я, я бы тоже старалась внушить ей, что она не окончательный урод.

Но Толика я вообще ни в каком виде не пугаю. Когда я папиной машинкой выбрила себе полголовы в первом классе, все решили, что у меня лишай. А Толик сказал, что без чёлки – тоже ничего. В общем, он завис в младенчестве и всё никак не отвиснет. Такая с ним приключилась ерунда. Он мог бы считаться моим другом, но, увы, – у Толика есть большая проблема. В последнее время он мне очень мешает.

– Толик! – говорю. – Не смей со мной больше домой ходить. Из-за тебя ко мне никто не подходит. Всем девчонкам рюкзаки носят, а мне нет. Ко мне не подступиться, ты рядом идёшь и весь тротуар занимаешь.

– Я могу твой рюкзак носить, если хочешь.

– Ну да, конечно. Всем крашные пацаны будут носить, а мне – ты. Нет, Толик, так не пойдёт.

– А как же быть? – спрашивает. – Мы ведь в одном доме живём...

– Не знаю, – говорю, – придумай что-нибудь. Ты же изобретательный. Это ведь не я в сто кружков хожу. У меня и без того забот навалом!

– Правда? – Удивляется ещё, посмотрите на него.

Как будто не он был в детском саду сопливым Толиком,

а я. Впрочем, Толик может сделать мне рекламу в своих ста кружках. Наверняка этим душникам время от времени требуется помощь профессионала. Я окинула Толика оценивающим взглядом.

– Пойдём, – сказала я, – по дороге расскажу.

– А... как же... – Он заморгал. – Ты же просила не ходить с тобой.

Ну ёлки-палки! Как был Толиком, так и остался.

– Это завтра, – отмахнулась я. – А сегодня я открою тебе страшную тайну, о которой ты должен всем раструбить.

– Ты знаешь, кто украл пиццу? – обрадовался Толик.

Ах, если бы. Всю среднюю параллель интересует эта пицца. Призовая такая пищочка – полметра на полметра. Ассорти. Лучшее, что в нашей столовке делают. Сегодня на интеллектуальной игре её должны были вручать команде-победителю. И ещё две пиццы – поменьше и маленькую – за второе и третье места. А вручили шиш.

Пиццы просто телепортировались куда-то из столовой, пока жюри подсчитывало баллы. «Не представляю, как это возможно...» – сказала завуч. А по мне – элементарно это возможно. Заходишь в пустую столовку и берёшь. Мешок только заранее заготавливаешь. Всего-то и нужно, что попасть в промежуток времени, когда повариха на кухне. Других-то людей в столовке после уроков не бывает. Понимание двух фактов может сузить круг подозреваемых. Укравший, во-первых, знал о финальной игре. А во-вторых, знал, какие

будут призы. Короче, это кто-то из наших: или сам стащил, или чужими руками.

– Нет, Толик, – сообщила я, – я не знаю, кто украл пищу. Но я скоро узнаю. Тебе надо просто рассказать всем о моём новом деле.

– А зачем? – Толик взял мой мешок со сменкой, потому что я шла и тюкала им в снег.

Мне нравилось, какие следы остаются в сугробе, – похожие на батон. Люблю батоны и сменкой махать люблю. Один раз я так махнула кроссовками в пакете, что попала Лапшину по башке. А мне за это попало от папы, потому что ему пожаловалась мама Лапшина. Из чего я сделала вывод, что недаром его называют Лапшичкиным: по натуре он тютя и размазня. И ему я рюкзак носить не дам. Не то чтобы он хоть раз просил, но...

– Жанна?

А? Ах да, Толик же. Теперь вы понимаете, почему он отобрал у меня мешок. Если меня не остановить, я могу думать бесконечно. Уж так устроена моя голова: она или ест, или думает. И буквально вчера я наконец-то придумала, как пустить свою смекалку в дело и подзаработать. Сначала, правда, придётся немного потрудиться бесплатно, в рекламно-тестовом режиме. И сегодня, как нарочно, подвернулся идеальный случай.

– Почему я должен всем рассказать о чём-то там твоём новом? – терпеливо повторил Толик. Он-то привык к моим недюжинным мыслительным способностям, так что никогда не теряет нить разговора.

– Потому, что у меня нет друзей! Это же элементарно, Корнеев!

Вот тут он подвис, и мне пришлось остановиться.

– Ну? – поторопила я. – Что тебя смущает? Только не го-

вори, что считаешь себя моим другом. Потому что я Андрею Степанову сказала, что у меня ни одного друга нет. Просто на всякий случай. Вдруг он захочет со мной дружить. И я заранее дала ему понять, что всё моё свободное время – абсолютно свободно. Жалко, что его команда сегодня продула.

– Формально нет. Они заняли призовое место.

– Ну фу, Толик. Для Степанова не первое – всё равно что продули. Степанов – мега!

Толик закашлялся, но справился с ударом.

– Никого попроще Степанова ты выбрать не могла? – спросил он. – За ним вся параллель бегают. Плюс мелюзга из началки.

– Понимаешь, Толик. – Я похлопала его по плечу. – Раз я всё равно пока не дружу ни с кем, то почему бы не выбрать себе в товарищи наиболее достойного человека?

– Хорошо, – подумав, согласился он. – Этот вопрос снимается.

– Ты, кстати, не расстраивайся. – Я великодушно вступилась за остатки его достоинства. – За тобой тоже мелюзга из началки бегают. Им тоже можешь рассказать о моём новом деле.

– Не вижу логики, – заметил Толик. – При чём тут я?

– При том, что у тебя полно друзей! – удивилась я его глупости. – Очевидная логика!

Я прямо слышала, как скрипят его пятёрочные мозги. Всё-таки у отличников порой заужен диапазон восприятия.

– Ладно, – выдавил бедный Толик. – Излагай свою тайну. Ага. Как будто это мне надо. Сам небось уже локти готов кусать от любопытства.

– Главное, Толик, чтобы ты сделал мне рекламу! У тебя куча знакомых. И у твоей однопартницы Токаревой тоже широкий круг общения. Танцевальный кружок, шахматы эти ваши, наверняка ещё какая-нибудь онлайн-группа для ботанов и красючек...

– Жанна.

– А, да. Первым делом, в общем, Полине расскажи. Вдруг она из добрых побуждений тоже слово замолвит.

– О ЧЁМ?!

Толик с досадой постучал мешком о снег, и я залюбовалась батонистыми следами.

– Туго соображаешь, – вздохнула я. – О моём детективном агентстве, конечно.

– Ты... открываешь детективное агентство?

М-да. Я заметила, что с первого раза некоторые отличники не въезжают.

– Ну естественно! Мне кажется, я просто создана для исследований.

– То есть ты тоже, – резюмировал Толик и поправил очки.

Вот сейчас как дам в нос! Само собой, я... стоп, что?! В смысле «тоже»?!

– С этого места поподробнее, Толик!

– Просто Полина тоже детективное агентство открывает. – Он пожал плечами, спокойный, как озеро на рассвете. – Я обещал ей помогать.

– Знаешь что, Толик?! – У меня даже кулаки сжались от обиды. – Ты мне не друг!

– Да я понял, ты это уже говорила. – Он наклонил голову и с интересом меня рассматривал.

– Нет, ты не понял. Ты мне **СОВСЕМ** не друг. **ВООБЩЕ!** Я вырвала у него свою сменку и зашагала к воротам. Но на полдороге обернулась. Он стоял и ждал неизвестно чего. Я, пыхтя, вернулась обратно и ткнула его в грудь:

– Ну и как называется её агентство? **ТОП?**

Он растянул губы в улыбке:

– Почему **ТОП?**

– Токарева Полина, куда уж почемучнее?! Если она такая повторяшка, что повторила за мной агентство, то уж, наверное, она и принцип названия слизала!

И тут он начал ржать. Я упёрла руки в бока и ждала, когда он замолчит.

– Прости, пожалуйста! – Он икнул. – Но ты же не... О да, я вижу. Прости-прости... Ты именно так его и назвала.

Он всхрюкнул от наслаждения.

– Ничего мне больше от тебя не надо, Корнеев, – отрезала я. – Помогай своей Полине-топ. А я... Я буду одна всё расследовать!

Я крунулась на пятке, косы мотнулись в стороны и хлоп-

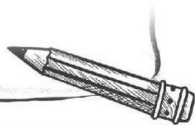
нули меня по спине. Вместо того чтобы обернуться, я вскинула правую руку кулаком вверх и с гордо поднятой головой зашагала прочь.

Я так юна, а жизнь меня уже не щадит. Конкуренты подрезают мне крылья, предатели топчутся за спиной, но... Разум побеждает зло. Обо мне ещё услышат!

Моя фамилия – Ладыжанская. Меня зовут Жанна.

Глава 2. Подозреваемый № 1

Обида принесла меня домой буквально за пять минут. Я даже не заметила, что потеряла варежку. Плевать.

Я швырнула рюкзак под стол, сбросила пуховик и быстро подхватила на руки Чумичку. Мне просто необходимо было успокоиться.

Чумичка, душа моя, мой зверёчек, сразу заурчала. Только она меня понимает. Я её в прошлом году с помойки принесла. Она была так слаба, что дважды пыталась издохнуть у меня на руках. Но мы её откачали. Возили к ветеринару, а потом я три дня почти не спала, сама её выхаживала.

Мы назвали её Чумой, но до полноценной Чумы она так и не выросла. Осталась мелочью-недокошкой. И ходит за мной, как маленькая собачка. Я зову её «мой щеночек».

– В общем, – сказала я своему щеночку, – Толик нас кинул, а с Андреем я пока не подружилась. Мне ещё нужно самоутвердиться, чтобы он меня наконец разглядел. Зато факт кражи пиццы налицо, а значит, у нас есть работа. Мы найдём вора!

На этих словах я пошла искать в холодильнике еду. Мы с Чумичкой знатно пообедали бутерами с колбасой, одновременно крепко размышляя над вопросом пропавших пицц. Вот их бы я сейчас поела, это точно. Выходит, кто-то сожрал три пиццы. И самая большая – полметра на полметра. Ассорти.

Если едок был один, это точно Лапшичкин, к гадалке не ходи. Не зря же Игорёк наел такие щёки. И на переменах он вечно что-нибудь хомячит. Кстати, я давно заметила, что он специализируется на выпечке. За булками всегда первый в очереди и меньше трёх не берёт. Лапшин спёр призовые пиццы, зуб даю.

Я пошла к себе в комнату. Вернее, в офис. На дверь я ещё вчера повесила табличку:

Я взяла чистый лист и хотела написать на нём «Игорёк Лапшин», но почему-то написала «ТОП». И поставила вопросительный знак. Итак, Полина-топ решила переплюнуть меня во всём. Конечно, мои потенциальные заказчики теперь уйдут к ней. Вот вы бы что выбрали: платинового мыша с невнятными косками или блонд-каре? Элегантного пуделя или помоечную Чумичку? Ну, я-то понятно кого выбираю, но и Андрей Степанов понятно кого.

Даже Толик, которого я из-за его ботанских принципов человеком не считаю, и тот уже отдал свой голос Токаревой. Она и красивая, и отличница, и живёт в элитной многоэтажке, и одевается в бутиках. А по мне «Смешные цены» плачут. Папа бы сказал: «Ну и что, дочка, это никому не мешает тебя любить...» Ага, будто Полину не любят. Она только приехала, а у меня уже нет друзей – все ходят вокруг Токаревой. У неё вся любовь школы, а у меня только агентство. Да и оно, похоже, прогорает...

Тут Чумичка со шкафа упала – не долетела до дивана. У неё в башке что-то нарушено в плане пространственного мышления. Я бросилась жалеть Чумичку, а она мне лоб вылизала.

Я подумала, что Чума послана мне в назидание. Сколько раз она уже падала – и с комода, и с кровати, и в собственную миску с водой, – а прыгать не перестала. Неужели меня какая-то там Токарева остановит? Агентство она открыла? Ну и отлично! Конкуренция означает, что в нише детективных услуг есть спрос. А, к кому в итоге люди пойдут, это мы ещё посмотрим.

Я скомкала топовый листок и бросила его под стол. А на чистом твёрдой рукой вывела: «подозреваемый № 1 – Игорёк Лапшин».

Пришла пора обрисовать картину преступления. И я нарисовала под Игорьком три пиццы разного размера. Вот реально, если кто и мог сожрать их все, это Игорёк. Тем бо-

лее что он как раз на финал интеллектуального марафона не пришёл, сказался больным. Прямо перед самой игрой у него, видите ли, живот подвело. Сейчас-то я понимаю, что это было идеальное прикрытие. Кому в голову придёт, что тошнотик на пиццы нацелился? Но я не так проста, при первом же удобном случае я его расколю.

А как только прославлюсь, ко мне сразу очередь выстроится. Тогда мы с Чумичкой сможем заработать ей на лазанку. Ах, как нам нравится в интернет-магазине высокая лазанка! Там и гнездо кошачье подвешено, и домики разные, и когтеточки везде... Сама бы по лазанке лазила. И папа ругаться перестанет, что Чумичка диван дерёт. Конечно, она, бедняжка, вынуждена царапать что под лапу подвернётся – у неё ведь нормальной лазанки нет...

Короче, Игорёк на финал не пришёл. И пока три команды боролись за первое место, Лапшичкин прокрался в столовку и умял призовые пиццы. Ну, я так считаю. В любом случае, я не могу обвинять его голословно. Поэтому завтра устрою ему допрос с пристрастием. Профессиональный подход – вот что отличает детективное агентство «ЛаЖа» от всяких там дилетантских топов.

Глава 3. Преступник упирается

Скользкий тип этот Игорёк Лапшин, скажу я вам.

– Лапшин, – начала я издалека, – где пицца?

– К-какая пицца? – Игорёк вытаращился на меня.

Ну ещё бы! Я и не ждала, что он расколется. Но, когда тебя припирают к стенке, зажимая портфелем в углу коридора, так сразу и не соскочишь.

– Квадратная, Игорёк, – напомнила я. – Такая большая квадратная пицца. Ассорти.

– А-а... – На его щекастом лице отразилось понимание.

– Вкусная была? – Я нанесла решающий удар.

– Н-нет, – промямлил Лапшин. – То есть я не знаю...

Я рассматривала его профессиональным детективным взглядом – искоса, прищурившись. Под этим взглядом Игорёк позеленел и опять пожаловался на живот.

– Не зашла, что ли, пицца? – надавила я.

Игорёк покрутил пальцем у виска, оттолкнул мой рюкзак, протиснулся в класс и сел повторять домашку.

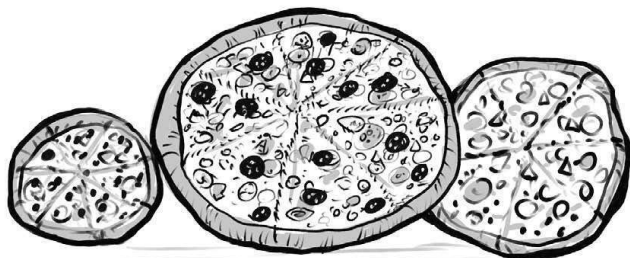
Ладно, решила я. Дожду его морально. Я нарисовала на

тетрадном листе вкусную пищу, на которой вместо сосисок красовались знаки вопроса. Эти знаки я положила прямо перед Лапшиным, закрыв разворот учебника. Игорёк моргнул и как-то не по-хорошему сморщился.

– Ты... что?! – прошипел он. – Подозреваешь меня, что ли?!

Догадливый. Я постучала пальцем по картинке и вперила суровый взгляд в Игорька.

– Ну? – подбодрила я.

За спиной фыркнули. Полина-топ изо всех сил старалась не расхохотаться. Предатель Корнеев высунулся из-за её спины и через очки глянул на пиццу. Токарева же – смотрела исключительно на меня.

– Жанна, – сказала она взрослым голосом. – Не впутывайся. Твой подход травмирует детскую психику.

Игорёк вскинулся, видимо, хотел возмутиться. Но психи-

ка вовремя подсказала Лапшичкину, что Полина его выгораживает. Тогда он принял глобально травмированный вид и проямлил:

– Да, Ладыжанская, чего ты пристала?... Сейчас контроша будет, а ты со своей ерундой.

– И то верно, – кивнула Токарева, которую контроша вообще не беспокоила. – Ты, Жанна, занимайся своими делами. А с кражей я разберусь. У меня всё-таки побольше свободного времени, тройки исправлять не надо.

Вот ведь... умеет же! Сразу по всем пунктам проехала. И умнее она, и беспроблемнее, и разберётся, конечно, лучше всех.

Я так вскипела, что слов не нашла. Значит, теперь у меня не только конкурент есть, но и вражина. Если Токарева, которая всем нравится, будет прохаживаться по моему имиджу, не видать Чумичке лазанки. Ничего, я не отступлю. Просто надо отыскать вора раньше, чем это сделает соперник.

Я отвернулась к окну и стала грызть кончик косы. Я всегда так делаю, когда крепко думаю. Если бы Токарева не вмешалась, я бы Лапшина додала. А теперь он предупреждён, поди-ка возьми его на испуг. Я обернулась на Игорька, поймала его насторожённый взгляд и угрожающе ткнула пальцем в воздух. Пусть знает, что ему не удалось меня провести.

Это моё выступление наблюдали очки. И вот они уже присаживаются аккуратно на свободный стул рядом со мной.

Ещё и конфету протягивают – хватает же наглости.

– Лапшичкину предложи конфету свою, – буркнула я. – Испортили мне весь план раскрытия!

Толик поёрзал на стуле:

– Жан, может, не надо так уж... напролом переть. Я не... Ты не думай, что я за кого-то или против кого-то, но... Полина всё же права. Беспочвенные обвинения обижают человека...

– Знаешь что, Толик? – не выдержала я. – Теперь я подозреваю, что не Лапшин схомячил пиццу. Я ещё вчера сомневалась, что ему одному это под силу. Понимаешь меня?

Я поиграла бровями, намекая на участие предателя Корнеева в употреблении призовой пиццы.

– Ты Полину-топ для этого поддерживаешь, да? – уточнила я. – Чтобы она тебя прикрыла, когда всё выяснится?

Толик позеленел не хуже Игорька.

– Ну, знаешь, Жанна... Ты совсем уже перегибаешь. Может, и правда не стоит тебе расследованиями заниматься? Так можно окончательно всех друзей потерять.

– Нет у меня друзей, Корнеев, – вздохнула я. – Одна я против всего мира. Терять мне нечего. Купить меня нельзя. Я... вас всех на чистую воду выведу.

Прозвенел звонок на урок, и Толик вернулся к своему Плюсику. С контрольной они справились быстро, я видела. Тетрадки сдали раньше всех и оставшуюся часть урока потихоньку о чём-то переписывались на черновиках. Полина-топ

горячилась, иногда даже шептала что-то. В чём-то она Толика пыталась убедить. Наверное, навязала ему своего подзреваемого. Она-то никому психику не травмирует – всё исподтишка, втихомолочку...

В общем, на контроше не решила я почти ничего. Но разве это имеет значение, когда преступник Лапшин, едва сдал тетрадь, вылетел из класса как подстреленный. Это убедило меня в главном: довела я его или нет, а Лапшичкин причастен.

В раздевалке ко мне Толик подошёл. Вот всегда он первый замирается. Если бы он не был с детского сада под впечатлением, я бы, наверное, смогла воспринимать его как человека. А тут...

Сами посудите, разве можно серьёзно относиться к мальчишке, который готов от тебя что угодно терпеть?

– Даже не пытайся, – предупредила я Толика. – Сама домой пойду!

И я пошла.

– Вот смотри, – сказала я, – Игорёк Лапшин, чью психику вы так бережёте, что-то знает, это точно.

– С чего ты взяла? – блеснули очки. Естественно, они тащились за мной, как я и предполагала.

– А с того, что он дёргается! Ты, может, не в курсе, но я Игорька изучила в прошлом году, пока за одной партией с ним сидела. Живот у него за весь год ни разу не болел. И лицо...

Лицо у Игорька круглое, глаза – искренние. Игорёк, в це-

лом, добрый, как телёнок. И такой же понятный.

– Что лицо? – напомнил Корнеев.

– Лицо, Толик, у Игорька не приспособлено к завиранию! И это не я его травмирую, а сам Игорёк так устроен, что стресс лицом выражает. Когда у Лапшина всё в порядке, лицо его отражает счастливое спокойствие. Как будто он маленький панда в кругу маленьких панд.

– А когда не в порядке? – Толик задумался, припоминая.

– Щёки пятнами, уши красные, глаз дёргается... Втыкаешь теперь? Лапшичкин замешан!

– Задёргаешься тут, когда на тебя так наседают, – сказал Толик.

– Ладно, Корнеев,хвати мой рюкзак тогда. Я за ним вечером заскочу. Или в тамбур нам брось, ты же код знаешь.

– Ты не скажешь, куда собралась?

– Нет, – отрезала я. – Ты, Толик, ведёшь двойную игру. Ты определись сначала, кому ты помогаешь, – мне или Полине-топ.

Я развернулась и решительно зашагала в противоположном от дома направлении.

– Жан... – окликнул Толик.

Но я не обернулась. Я поблажек предателям не даю. Тем более Толика я тоже прекрасно изучила. Он скажет, что, конечно, помогает мне. Но... и Полине заодно. Ведь, если рассуждать в рамках дела (а он всегда рассуждает в рамках дела!), мы обе хотим справедливости. А значит, должны объ-

единиться... Буэ!

Я сжала зубы. И поспешила обратно в школу. Проводить опрос свидетелей.

Глава 4. Я опрашиваю свидетелей

Не знаю, какими методами Полина-топ собирается искать преступника, но я действую прямо. Меня этому научила собственная кошка, щеночек мой.

Столовка расположена рядом с двумя спортзалами: малым и большим. В большом в день кражи шла интеллектуальная игра. А в малом занималась секция таеквондо. Тренер у них зверюга, так что мотыляться туда-сюда во время занятий не позволит. Но кто-то один мог выходить. И кого-нибудь одного заметить. Таеквондистов из подозреваемых я сразу исключила. Как раз потому, что тренер у них зверюга. Пиццы им никак не утащить – слишком долго. Их же ещё спрятать надо. Или съесть, опять же, все три.

Я дождалась окончания тренировки и применила метод Чумички – наскок без расчёта.

– Алё, парни, – сказала я, вваливаясь в раздевалку, – важное дело.

Парни вытаращились на меня, как балерины на рэпера. Они были несколько обескуражены, а некоторые без штанов.

Я вывалилась обратно в коридор, краснея на ходу, и твёрдо решила немедленно убежать. Чумичка всегда так делает, когда попадает в неприглядную ситуацию. В общем, я побежала, но... нет.

Кончилось время бегов, конкуренты и так наступают мне на пятки. Профессионала не должны смущать сложные обстоятельства!

Я достала телефон, загрузила на нём фотку и на вытянутой руке сунула его за дверь.

– Кто... – Я закашлялась, набрала воздуха и прокричала: – Кто-нибудь видел этого человека перед тем, как была совершена кража?

– Лапшина? А чего он?

– Мемасик запилил?

– Пацы, дайте глянуть!

– Тимон, покажи!

Мобильник выдернули из моей руки. Я хотела броситься вслед за ним, но вовремя вспомнила, почему этого не следует делать. Однако ребята видели Лапшина! Что и требовалось доказать.

Пританцовывая под дверью, я едва дождалась, когда мне вынесут телефон. Вышел какой-то крепыш, видимо Тимон, – это его голос прозвучал первым – и с подозрением припечатал:

– Мутная ты какая-то.

Я-а-а?! Я – Жанна Ладыжанская, лучший школьный де-

тектив. Ну ладно, пусть это пока под сомнением. Но я добьюсь признания вопреки отсутствию связей, материальных ресурсов и внешней привлекательности.

– А ты чего тут бродишь, возле раздевалки? – набычился крепыш.

– А что, кто-то ещё бродит? – Я тут же почуяла что-то важное.

– Приходила уже одна такая. – Крепыш закатил глаза и сделал руками возле шеи, изображая каре. – Тоже искала.

– Что искала?! – Теперь я сама вытарасилась на крепыша, как рэпер на балерину.

– Известно что. Толстовку. Которую вчера у Дрончика Степанова спёрли. Он её в раздевалке оставил, а после этого турнира заумного – хлобысь! – и нет одежды. Эта... – И крепыш опять показал каре, нарочно широко распахивая глаза: – Сказала, чтобы не смели на Дрона думать. А кто бы стал-то? Он же не идиот – сам у себя вещи тырить.

Вот те на! Воровство в нашей школе начинает приобретать глобальные масштабы. И это ломает мою теорию. Толстовку Лапшичкин украсть не мог – её съесть нельзя. Мне срочно нужна новая версия! Может, Толик самую чуточку, но был прав – зря я Лапшину психику покалечила. Но тогда выходит, что Полина-топ была права. А это уже очень обидно.

– А эта... ну... – Я выкатила глаза и тоже как бы поправила каре. – Она ещё что-то говорила?

Крепыш засмеялся:

– А ты тоже на Дрончике двинулась? Плевал он на вас, у него таких фанаток полшколы. И блонда за него вписывается. Говорит, не смейте и думать, что он пиццы украл. Говорит, всё найдёт и докажет его невиновность.

– На-а-айдё-о-т? – Я не могла представить, как Полина-топ собирается предьявлять пиццы. Желудок Лапшина уже давно обнулил эту возможность. – Так она толстовку искала или пиццы?

– Что ты пристала со своими пиццами?! – Крепыш вдруг разозлился, сунул мне телефон и толкнул в плечо: – Топай лесом, пока не наподдали!

Из раздевалки начали выходить мальчишки. Я хотела расспросить кого-нибудь ещё, но крепыш прямо-таки взбелевился. Наигранное дружелюбие окончательно слетело с его лица.

– Хиляй отсюда, – предупредил он, – а то мало не покажется!

Меня напугал этот разительный переход от любопытства к угрозам, так что я безропотно похилила за питьевой фонтанчик и присела на скамью.

В таких случаях обычно говорят, что сыщику нужно подумать. Но лично мне думать некогда, пора осматривать место преступления.

Итак, что мы имеем? Столовку, два спортзала, раздевалку, запасный выход в конце рекреации. Я толкнула дверь на улицу, в нос ударил запах помойки. Ну... не знаю. Если Полина-топ чего и не стала исследовать, так это мусорку. Она (не мусорка, а Токарева) дико брезгливая. За стол с крошками в жизни не сядет. И в классе сначала парту осмотрит, а потом уже учебники выкладывает. Я не пойму, у таких чистюль на лице, что ли, написано, какие они аккуратистки? Полиной все любят. И это, грустно признавать, обеспечивает ей высокий кредит доверия. Вот у Полины все книжки гляцевые, корешки хрустят, странички белоснежные...

– А мне никогда... Никогда новых учебников почему-то не выдают! – пропыхтела я, перелезая через ограждение помойки.

Не, ну а как вы хотели? Профессионал не может быть брезгливым! Тем более мне не привыкать: на помойке я добыла самое ценное, что есть в моей жизни, – Чуму. И если учесть, что мусор зимой вывозят раз в три дня... Не спра-

шивайте, откуда я так прокачана в помоечном вопросе. Короче, если уж проверять, так всё.

Само собой, я не думала, что Лапшин там пиццы ел и оставил следы. Я вообще не понимала, что там искать. Но дело есть дело, и его надо делать ме-то-дич-но. Поэтому я зажала нос и заглянула в мусорный бак.

Котёнка там, слава богу, не было. Вторую Чумичку папа не переживёт – у нас ещё и первая под вопросом. К сожалению, она проваливает тестовые испытания и, как нарочно, дерёт именно папины вещи. Его любимый диван в зале и любимое кресло на кухне. Диван она, к счастью, возле стены разрывает. Я тряпочную обивку уже два раза зашивала, а в некоторых местах спиртовым маркером закрасила. Чумичка ни при каких обстоятельствах не «отправится откуда пришла»! Скорее мне придётся поменять отца или уйти в скитания вместе с кошкой. В общем, нам нужно срочно достать лазанку.

И ещё вот это – зелёное – из помойки.

Глава 5. Потрясающая улика

Я была потрясена во всех смыслах. Во-первых, меня здоровотряхнуло во время исполнения служебных обязанностей: прыжок в мусорный бак – такое себе удовольствие.

А во-вторых, я просто обалдела от увиденного. Думаю, Лапшичкин с зажатými в руках пиццами на дне бака поразил бы меня меньше.

Ну что я могу сказать? Я обнаружила одну пропажу целиком и треть другой пропажи. И мне это категорически не понравилось. Похоже, у Токаревой действительно был повод прикрывать своего кумира.

Из бака я вылезла с толстовкой Андрея Степанова в руках. В толстовку, чтобы вы знали, была запихана пицца. Огромная пицца. Ассорти. Та самая, которую не вручили за первое место.

Та-ак. Мог Лапшин тиснуть пиццу и позабыть её на помойке? В толстовке Степанова?... По ходу, версию с Лапшичкиным придётся отбросить как несостоятельную. Игрёк в жизни не выбросил бы целую свежую пиццу. Столько

силы воли, боюсь, даже во мне нет.

Очевидно, кто-то хочет подставить Степанова. Толстовка – его, пицца могла бы быть его. Один плюс один получается... Лапшин. Он Степанова категорически не одобряет, Степанов его в команду не взял. Так что Игорёк на финальную игру не мог прийти участником, а только чисто зрителем. Поэтому не пришёл совсем. И отомстил!

Школьная пицца – многолетняя традиция. Про неё на встречах одноклассников потом вспоминают, её поедание ещё заслужить надо. Ясно теперь, что имел в виду крепыш: Степанов продул и как бы от обиды сорвал награждение. «Как бы» – потому что в обиду Степанова я не верила. Он и капитаном не по своей воле стал – заставили массовым давлением. И вообще, я видела, что финал он не от души играет. Словно ждёт, когда всё закончится. Так в погоне за славой не поступают. Андрея подставляет кто-то, кто его не любит. Например, Лапшичкин.

Я аж обрадовалась, как красиво у меня всё складывается. То есть совсем нет. Зачем выкидывать улики, которые призваны навести на подозреваемого? А если ты преступник, зачем выкидывать пиццу, которую крадёшь?

Пиццу я бросила обратно в мусорный бак, не забыв задокументировать её на телефон. Это пригодится мне в торжественный момент. Ну, тот самый, когда сыщик собирает в комнате всех причастных и раскрывает им глаза.

Толстовку пришлось забрать домой. Она не очень сильно

воняла, разве что кетчупом. Не понимаю, почему Чумичке не понравилось. Вроде бы вещь с её родины – чего отскакивать?

Я забила стиральную машинку под завязку, чтобы избавиться от запаха до прихода папы. Мой пуховик оказался не менее вонючим, чем толстовка. Я, правда, не подумала, где буду всё это сушить. Но дотумкала, что толстовку светить ни в коем случае нельзя. Поэтому я повесила её в собственный шкаф прямо сырую. А про пуховик папа ничего не сказал, только головой покачал. Подумаешь, немножко мокрый пуховик. Это совсем не такой пуховик, в котором я однажды со стройки пришла, когда в тачку с цементом случайно села.

Утром в школе я снова подстерегла Лапшина. Теперь уже не в классе, где на страже его ранимой психики стоят Полина-топ и предатель Толик. Я поймала Лапшичкина у туалета и на всякий случай немного подготовила его морально.

– Я тебя сейчас, Игорёк, спрошу по поводу пиццы! – предупредила я и спросила: – Почему не большую?!

Игорёк округлил глаза, совсем как Чумичка, когда она в унитаз упала. Он старательно делал вид, что не понимает, о чём речь. В то же время я прекрасно видела: всё он понимает.

– Хорош придуриваться, Игорёк, – поднасела я. – Чистосердечное признание облегчит твою душу.

Лапшин похватал ртом воздух и рванул, подлец, в туалет. Я постучала кулаком в косяк и пообещала:

– Я тебя достану, Лапшин! Вот увидишь!

– Жанна? – окликнул меня Андрей Степанов...

Но при ближайшем рассмотрении он оказался никаким не Степановым.

– А, это ты, – разочарованно вздохнула я. – С другой стороны, так лучше.

– Не понял, – заметил предатель Толик, одетый в куртку Степанова.

Вернее, у них с Андреем одинаковые куртки, и я ужасно этого не люблю. Потому что постоянно ввожусь в заблуждение. Верю, что настал час икс, и Степанов наконец-то решил предложить мне дружбу навеки. Но каждый раз это оказывается Толик, и разочарование постигает меня снова и снова.

– Ладно, – великодушно махнула я рукой, – прощаю.

Мне совсем не хотелось, чтобы Андрей Степанов застал меня атакующую мужской туалет.

– Жан, – Толик перехватил мой рюкзак по дороге к раздевалке. – Ты всё ещё дуешься, да? Я же не отказываюсь тебе помогать. Просто надо...

– Действовать разумно?! – Я выдернула у него свой рюкзак. – Толик, ты хотя бы представляешь, что можно найти на помойке?!

– Чуму, – кивнул Толик.

Он был в курсе этой истории и даже пошёл вместе со мной домой. Потому что я знала: папа при Толике орать не станет. Очки у него на хорошем счету, что ни скажут – бери при-

мер, Жанна. Одна-то я в жизни отца на Чумичку не уболтала бы. А Толик как-то так по-умному всё повернул, что мы с Чумичкой сидели открыв рты. Ну, пока она горшок с подоконника не опрокинула.

В общем, Толик знал о моих помоечных приключениях. Но в силу контузии продолжал меня ценить. Про пиццу и толстовку он, конечно, подумать не мог.

И тут я снова её увидела.

Толстовку. Зелёную. С английской надписью: «Оставайся странным!» На Андрее Степанове, который проходил мимо. Я машинально вцепилась в Толика.

– А... что же я тогда из мусорки достала? – проблеяла я.

– Ты что-то достала из мусорки? – заинтересовался Толик. – Опять?!

Я отмахнулась и, как зачарованная, пошла за Степановым. На повороте его догнала Полина-топ. Но Андрей, как мне показалось, не особенно ей обрадовался. Я до того на них пялилась, что не смотрела толком, куда иду. И пришла в крепыша. Вопреки столкновению, он не разозлился. А вполне по-дружески заметил:

– Ну что, детективщица недобитая, съела?! Пока ты народ донимала, блонда Андрюхину толстовку нашла.

– Где?! – Я цапнула крепыша за рукав: – Вместе с пиццами?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.